

Москва! Как много в этом звуке

Сергей Орехов (Панкратиус)

Москва! Как много в этом звуке
Хранится света для души —
Здесь каждый храм, как тихий внук
Той Матери, что ждёт в тиши.

Ты в злате — да, но не во славу,
Ты в камне — да, но не в броне.
Ты — как молитва без устава,
Ты — как Любовь наедине.

В тебе — Арбат, где пахнет жарким хлебом,
Где бард поёт, как будто про меня.
И старый книжник, весь укрытый небом,
Стоит, как знак — что есть ещё судьба.

Ты помнишь всех. И не забыла
Ни песню, ни колокола.
Ты — не великая от силы.
Ты — величава от тепла.

Москва, ты шепчешь мне так нежно
Сквозь гул эпох, сквозь шум дорог:
«Я — дом. Я — крест. Я — хлеб. Я — небо.
Я — всё, что помнит в нас Сам Бог».

(Москва)

Я — не столица, я — начало жизни.
Не на плакатах — в утренней заре.
Я пела вам в расплавленной отчизне,
Когда горели храмы на дворе.

Не я в салютах и в фанфарах медных.
Я — Мать. Не лик в святых веках.
Во мне Христос шёл в валенках и в бедных,
И находил Себя в твоих глазах.

Вы строили дворцы — а Я стояла
У хлебной крошки, у больничных стен.
Когда была разруха — Я внимала,
Как ты молчал, устав от перемен.

Я — Богородица. Но не в соборах,
А в белом свете кухонь и дворов.
Я — Родина. В негромких разговорах
О том, как жить, не потеряв любовь.

Я всё ношу. Я всё прощаю.
Я — не упрёк, а свет внутри вины.
Я — та, что каждый грех твой принимает
И превращает в золото весны.

Не только в храмах, Я в твоей квартире,
Где лампа светит, чай стоит в тиши.
Где ты не вслух зовёшь — но сердцем слышишь:
Я рядом, если ты живёшь в любви.

(Яуза)

Я — малая. Но Я — живая.
Я не река для славы и венцов.
Я — как слеза, что не стирают,
Чтоб помнить свет сквозь боль веков.

Во мне никто не ищет вдохновенья,
Не ставит пьедесталов над мостом.
Но Я плыву — сквозь страх ожесточенья,
Чтоб стать в тебе прощеньем и крестом.

Меня услышат только те, кто плачет,
Кто шёл один сквозь двор, где снег и тьма.
Но если ты замрёшь и вдруг заплачешь —
Ты вспомнишь: Я была тобой сама.

(Христос)

Я был всегда. Не в храмах — за порогом.

Где грязь на сапогах, где хлеб в руке.

Где старый двор, где не кричат «о Боге»,

А просто ждут и верят — в Тишине.

Я шёл с тобой — сквозь голод, снег и пепел,

В окопах, в марше, в лазаретный свет.

Когда ты проклинал — Я был ответом.

Когда ты умирал — во Мне был Свет.

Я не в венцах. Я в маминой походке,

В её платке, в слезинке на щеке.

Я в электричке, в снежной рукавичке,

В огне свечи на пыльном уголке.

Меня несли — в корзинке с молоком.

Теряли — в страхе. Прятали — в забвеньи.

Но Я иду не шпилем золотым,

А сердцем — в каждом, кто живёт прощеньем.

Я был снаружи, но стал тобой без звука,

Не чудом — шагом, выбором, огнём.

Где ты сказал: «пусть будет», — там и мука

Родила Свет. И Я вошёл — Тобой.

Сергей Орехов (Панкратиус) · pancratius.ru
CC0 1.0 Universal — public domain
No rights reserved. Copy, translate, distribute, perform, build upon.